

Таким образом, именно этимологический анализ позволил разобраться в запутанной истории очень похожих, но разных фамилий и установить, что в живой речи Прикамья XVII в. должны были существовать диалектные слова *кондырь*, *кандырь* и, возможно, *калдырь*, которые в настоящее время отсутствуют в пермских диалектных материалах.

Я. Саарикиви
Хельсинки

Прибалтийско-финская антропонимия в субстратных названиях Русского Севера: перспективы изучения

Субстратная топонимия севера европейской части России обычно интерпретируется исходя из данных о нарицательной лексике финно-угорских языков, в первую очередь прибалтийско-финских. Однако в живых прибалтийско-финских языках весьма значительную часть составляют отантропонимные топонимы: например, в финском к ним относится как минимум 10%⁸⁰ всех топонимов, в вепсском – примерно 50% ойконимов⁸¹.

Между тем севернорусских субстратных топонимов, содержащих прибалтийско-финские личные имена, обнаружено пока очень мало. Учитывая большое количество подобных названий в живых прибалтийско-финских языках, можно предположить, что поиск их на Русском Севере окажется весьма перспективным. При этом следует ориентироваться на то, что определенным типам севернорусской субстратной топонимии в живых прибалтийско-финских языках аналогичны топонимы преимущественно с отантропонимными основами. Это касается прежде всего ойконимов и названий сельскохозяйственных угодий. Поэтому вполне вероятно, что антропонимы в субстратных названиях подобных объектов есть также и на Русском Севере. Кроме того, к сочетанию именно с отантропонимными основами тяготеют определенные форманты. Например, в современном финском языке подавляющее большинство ойконимов с формантом *-la* содержит антропонимы⁸². Речь здесь может идти также о субстратных названиях лугов и мысов с формантом *-неь* и названиях поселений с формантом *-бола / -пола*. Естест-

⁸⁰ По данным Э. Кивиниеми, см.: *Kiviniemi E. Perustietoa paikannimistä // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia* 516. Helsinki, 1990. S. 143–145.

⁸¹ Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии. Петрозаводск, 1994. С. 85–86.

⁸² См. например: *Kepsu S. Talonniemien tutkimisesta // Kieli 2: Helsingin yliopisto, suomen kielen laitos / Kiviniemi & Pitkänen (toim.)*. Helsinki, 1987. Стоит все-таки заметить, что старые ойконимы, содержащие формант *-la*, часто имеют основы неизвестного происхождения и в Финляндии, и на соседних территориях. Такие названия могут содержать неизвестные ныне антропонимы, но это, скорее всего, уже невозможно доказать.

венно, с антропонимными основами могут сочетаться и другие форманты. В некоторых случаях трудно или невозможно решить, возникло ли определенное название на основе антропонима или на основе идентичного или почти идентичного с ним апеллятива (ср. далее названия с основами *ихаль-*, *валд-* и некоторые другие).

Среди антропонимов, легших в основу топонимов, можно выделить несколько исторических пластов. Прежде всего это дохристианские имена, сведений о которых довольно мало. А. В. Форсман опубликовал в 1890 г. богатый материал, извлеченный из различных источников, включая духовные и юридические документы от средних веков до XIX в.⁸³ Эти материалы были через 70 лет надежно проанализированы и систематизированы Д.-Е. Стёбке⁸⁴. По его мнению, у прибалтийских финнов до распада их языкового единства существовала общая система личных имен. Он реконструирует 23 словарных гнезда, которые использовались в языческих именах прибалтийских финнов. Большинство из этих элементов исконного происхождения, но некоторые могут быть заимствованы из германских языков. Старые имена состояли из одной или двух частей, одна из которых могла быть производным суффиксом. Большинство из элементов, реконструируемых Стёбке, использовались и в качестве детерминанта, и в качестве основы двухчастных имен, некоторые исключительно в качестве детерминанта.

Для многих реконструируемых Стёбке элементов могут обнаружиться параллели в субстратных названиях Русского Севера. Кроме этого, и другие пока не этимологизированные севернорусские ойконимы, по всей вероятности, содержат личные имена. Необходимо учитывать, что скромные письменные источники дохристианской эпохи из зоны проживания прибалтийско-финских народов вряд ли содержат все имена и прозвища, которые использовались в то время. Финские и карельские фамилии, а также топонимия указывают на то, что материалы Форсмана и Стёбке нельзя признавать исчерпывающими. Тем не менее наличие прибалтийско-финских фамилий и ойконимов, относящихся к отантропонимному типу и содержащих многократно повторяющиеся основы, позволяет предположить, что данные основы произошли от антропонимов.

Ниже делается попытка интерпретировать несколько субстратных топонимов Архангельской области как производные от прибалтийско-финских личных имен. В одних случаях предположенные этимологии

⁸³ Forsman A. V. Pakanuudenaikainen nimistö I. Johdanto. Yliopistollinen väitöskirja. Helsinki: SKS: n kirjapaino.

⁸⁴ Stoebe D.-E. Die alten ostseefinnischen Personennamen im Rahmen eines Urfinnischen Namensystems. Hamburg; Leipzig: Verlag, 1964.

относятся к именам, многократно зафиксированным в письменных источниках, в других языческие имена реконструируются на основе топонимов и финско-карельских фамилий. Все предполагаемые этимологии не могут основываться на письменных источниках, которые относятся к определенным объектам Русского Севера и содержат прибалтийско-финские личные имена, поскольку, вероятнее всего, таких документов не существует. Это, естественно, делает этимологии в какой-то мере спекулятивными. Однако они подтверждаются параллельными названиями из сферы живых прибалтийско-финских языков.

Вихтово. Название бывшей деревни *Вихтово* Пинежского района Архангельской области упоминается как *Вихтуй* уже в 1137 г. в грамоте князя Святослава Ольговича. Как известно, речь в данном документе идет о волостях, плативших дань Великому Новгороду. *Вихтовский* – это также название одного из рукавов дельты Северной Двины⁸⁵.

Письменные источники многократно подтверждают существование имен типа *Vihti*, *Vihto* и *Vihti* у прибалтийских финнов. Элемент *VihtV-* использовался, видимо, так же, как детерминант сложных имен, состоявших из двух частей, – на это указывают фигурирующие в письменных источниках имена *Meleuicht*, *Melvycht* (< ?*Mielivihta)⁸⁶. Имя *Vihtuj* представлено в письменных источниках XVI в.: в севернокарельской волости Лиекса известен человек с именем *Stepanka Lembitov Vihtuj* и в то же время в южнокарельской волости Куркийоки жил *Oleksei Vihtuj*⁸⁷. Также из Эстонии известно имя *Vihtoi* в источниках этого же времени.

В современной Финляндии известны фамилии *Vihtonen*, *Vihteri* и *Vihterinen*, которые явно возникли от корня **vihtV-*. Родина всех этих фамилий – юго-западная Карелия и Карельский перешеек (волости Уусикиркко, Кивеннапа, Рауту, Лаппеэ, Таипалсаари и г. Выборг). Сегодня подобный элемент встречается в некоторых финских ойконимах (например: *Vihti*, село и коммуна в Уусимаа, в 50 км к западу от Хельсинки, *Vihtilä*, хутор в Калволе, *Vihtinen*, дом в Кангасале, оба в провинции Хяме, и т. д.).

Имена с таким корнем изначально могут быть германского происхождения (ср. нижненемецкие личные имена *Vihti*, *Wihto*, *Wichtic*)⁸⁸. Од-

⁸⁵ Идентификация и локализация волостей Уставной грамоты дана А. Н. Насоновым, см.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С другой стороны, Е. Н. Носов, О. В. Овсянников и В. М. Потин считают, что волость, упоминавшаяся в Уставной грамоте, могла находиться и возле вышеупомянутого рукава дельты Северной Двины.

⁸⁶ Stoebe D.-E. Die alten ostseefinnischen Personennamen im Rahmen eines Urfinnischen Namenssystems. S. 105. Основа *mieli* здесь, скорее всего, имеет значение 'душа, характер'.

⁸⁷ Mikkola P., Paikkala S. Sukunimikirja. Uud. Läitos. Helsinki: Otava, 2000.

⁸⁸ Этимологию см.: Mikkola P., Paikkala S. Sukunimikirja.

нако возможна также некая связь с наименованием языческих божественных сил. В финском *vihtahousu* «вихта-брюки» – эвфемизм, обозначающий черта. Этимология данного выражения неизвестна, но его семантический оттенок указывает на возможность того, что имена с корнем *vihtV-* содержали название языческой божественной силы, которое после христианизации переосмыслили как название черта. Данное толкование, естественно, в какой-то мере спекулятивно. Тем не менее его подтверждает факт того, что у прибалтийских финнов-язычников было достаточно много личных имен мифологического характера (ср., например, имена типа *Ilma-*, *KalevV-*, *JoukV-* и др., которые фигурируют в качестве имен мифических богатырей в рунах Калевалы).

В связи с личными именами от данного корня стоит указать и на близкие параллели в сфере нарицательной лексики: фин. диал. *vihta* ‘веник’⁸⁹, *vihtikko* ‘кустарник’. Семантически близко им *vihko* ‘сноп, пучок, букет цветов и т. д.’, которое может восходить к тому же корню + суффикс *-ko* (ср. пары типа *hiekkä* ‘песок’, *hieta* ‘то же’ и другие прибалтийско-финские производные коррелятивные пары без корневого слова). Все эти слова неизвестного происхождения. Вопрос о том, какова их связь с именами от корня **vihtV-*, остается пока открытым.

Лембонема. Этимология названия этой бывшей деревни Пинежского района Архангельской области уже рассматривалась некоторыми исследователями⁹⁰. А. Алквист в 1887 г.⁹¹ сравнивал его с финским *lempo* ‘черт, нечистая сила’, и эта этимология принимается авторитетными исследователями⁹². По нашему мнению, в этом случае стоит все-таки предпочесть связь с личным именем.

Слово *lempo* ‘черт’ является производным от корня **lempV-*. Этот корень – типичное для финно-угорских языков так называемое *poten-verbum*, к которым относятся и существительные, и глаголы. В современном финском литературном языке таковы, например, слова *lempi*

⁸⁹ А. И. Попов сравнивал *Vihti*-имена из новгородских берестяных грамот с данным словом, а также с глаголом *vihkiä* ‘венчать’. (См.: Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Тр. Карел. филиала АН СССР. 1958. Т. 12.) Второе сопоставление Попова неприемлемо по фонетическим причинам.

⁹⁰ По данным картотеки ТЭ, на Русском Севере кроме этого существует, по крайней мере, одно название с параллельной основой. Это ручей *Ленбосёра* в Верхнетоемском районе Архангельской области.

⁹¹ Kalevalan karjalaisuus. Kalevalasta itsestään ja muualta todistanut August Ahlqvist. Helsinki: Suomen yliopisto, 1887.

⁹² Например: *Kalima J. Vienajoen tienoon paikannimet ja niemi*. Kalevalaseuran vuosikirja 31. Porvoo, 1951. S. 132–137; *Мамлеев А. К.* Этимологический словарь субстратных топонимов Русского Севера. Т. 1: Прибалтийско-финские и саамские форманты и основы: Рукопись. Екатеринбург, 1980.

‘любовь (именно эротическая)’, *lempiä* ‘любить; ласкать’ и др. Исначальное значение данного корня, видимо, было каким-то образом связано с огнем, горением (ср. эст. *lembida* ‘гореть’, *lemmed* ‘искры’). Возможна также некая связь слова *lämpö*- ‘тепло; теплота’ вместе с глаголами от того же корня с данным этимологическим гнездом.

Lempi является одним из самых частотных элементов, повторяющихся в прибалтийско-финских языческих именах. Он может выступить и в качестве основы (*Lempivalta* – ср. ниже имена с основой *Valt-* / *Vald-*), и в качестве детерминанта (*Valtalempi*, *Toivolempi*, *Kaukolempi*, *Untalempi*, *Ikälempi*)⁹³. Усеченная форма *Lempi* многократно упоминается в письменных источниках XVI в., относящихся к Карельскому перешейку и Ингерманландии⁹⁴. Помимо него существует целый ряд других одностанных личных имен, возникших от того же корня, например, финские *Lempi*, *Lempiä* (с производным суффиксом *-a* / *-ä*) *Lemmitty* (от причастия прошедшего времени, букв. ‘любимый’), *Lemminkäinen* и т. д. Подобные имена были известны и в Эстонии. Финская фамилия *Lemponen*, а также ойконимы типа *Lempoila* (например: хутор в Халикко (юго-западная Финляндия), хутор в Илмайоки и в Нурмо (северно-западная Финляндия), хутор в Лохя (южная Финляндия) и т. д.) указывают на то, что слово *Lempo*, вероятно, в какое-то время было именем человека. То, что слово с таким корнем употребляется в современных языках с семантикой ‘черт, нечистая сила’, предполагает, что когда-то данное имя, возможно, имело некую связь с языческими божественными силами. Таким образом, здесь можно наблюдать параллельное с вышеупомянутым гнездом *vihtiV-* развитие.

Хотелось бы также сопоставить пинежский ойконим и его возможные севернорусские параллели именно с вышеупомянутыми многочисленными прибалтийско-финскими антропонимами, а не только с апеллятивом *lempo* ‘черт’. Вероятнее всего, в субстратном языке как имя использовались формы *Lempi* либо *Lempo(i)*. В пользу первого варианта интерпретации говорит тот факт, что в современной Финляндии нет ни одного названия типа *Lemponiemi, но названия типа *Lempiemi*,

⁹³ Stoebe D.-E. Die alten ostseefinnischen Personennamen im Rahmen eines Urfinnischen Namensystems. S. 95–97. Первая часть имени *Toivolempi* обозначает ‘надежда’. Этот корень, скорее всего, зафиксирован в субстратных названиях Русского Севера. Так, в Приморском районе есть деревня *Тойвотолово*, название которой, по всей вероятности, содержит зафиксированное неоднократно в письменных источниках прибалт.-фин. имя *Toivottu* (формально причастие от глагола *toivoa* ‘надеяться’). Об основе имени *Kaukolempi* см. ниже в этимологии названия деревни *Кавкола*. Основа имени *Untamieli* обозначает ‘сонливый, мечтательный, забывающий’, основа имени *Ikämieli* – ‘старый, долговечный’. Эти именны гнезда также могут быть зафиксированы в топонимии Русского Севера.

⁹⁴ Mikkola P., Paikkala S. Sukunimikirja.

Lempiäniemi многочисленны (например: *Lempiniemi*, мыс в Куопио, Оулу, Хейнявеси (восточная Финляндия) и т. д.; *Lempianiemi*, бывшая деревня в Юлоярви (провинция Хяме)). Скорее всего, большинство из них возникло именно на основе личных имен⁹⁵.

Кеврола. Село *Кеврола* современного Пинежского района Архангельской области является, по всей вероятности, одним из самых старых населенных пунктов Русского Севера. Его название упоминается еще в 1137 г. как *Кеврѣла* в уже названной уставной грамоте князя Святослава Ольговича как волость, платившая дань Новгороду.

Название не имеет параллелей на Русском Севере. Оно относится к группе ойконимов, оканчивающихся на *-ла*, которая в современных прибалтийско-финских языках избобилует отантропонимными названиями. Таким образом, есть основание предполагать, что название *Кеврѣла* также могло возникнуть от личного имени.

Подходящим источником ойконима *Кеврола* могут служить карельские фамилии *Käkröinen* и *Kekroinen*, образованные, скорее всего, от прилагательного *käkrä* (в финском литературном языке *käyrä* < *käkrä, в диалектах также *keuru*) 'кривой, изогнутый'. Данное прилагательное или же производное от него *käkröi, вероятно, когда-то использовалось в качестве личного имени.

На это указывают, прежде всего, вышеупомянутые фамилии, образованные от личных имен и прозвищ с помощью суффикса *-(i)nēn-* (в косвенных падежах суффикс чередуется с *-(i)sen* (< **-(i)se-* < **ńće-*) – *-n-* в именительном падеже развилось по аналогии). Данная модель очень распространена в современном финском языке и является основным способом деривации новых фамилий. В большинстве случаев данные фамилии имеют корреляты в ойконимах, сформированных с помощью суффикса *-ла*, например: *Heikki* (имя) > *Heikkinen* (фамилия), *Heikkilä* (дом или деревня) *Pekka* (имя) > *Pekkanen* (фамилия), *Pekkala* (дом или деревня) и т. д. Примеров подобной корреляции насчитывается десятки или сотни тысяч. Таким образом, можно предполагать, что некогда существовало также имя *käkrä.

Фамилии *Kekroinen*, *Käkröinen* встречаются в письменных источниках XVII в., относящихся к Карельскому перешейку*. Подобная основа встречается и в топонимах. В финской коммуне Кивеннапа (в современной Ленинградской обл.) находилась до Второй мировой войны деревня *Kekroila*. Деревня с таким же названием некогда существовала в Ингер-

⁹⁵ Nimiarkisto (Архив топонимов Финляндии при центре исследования языков Финляндии (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus), г. Хельсинки).

⁹⁶ *Kepsu S. Pietari ennen Pietaria. Nevansuun vaiheita ennen Pietarin kaupingin perustamista // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimitteita* 608. Helsinki, 1995. S. 56.

манландии, в устье Невы, на месте современной р. Фонтанки в Петербурге. Данные названия можно считать полными параллелями сев.-рус. *Кедрѣлы*. В современной Финляндии также много топонимов, образованных от основы *käyrä*, *keuru*. Большинство из них, скорее всего, отапеллятивного происхождения, но некоторые могут содержать антропонимы.

Русская форма *Кедрѣла* с *ѣ* во втором слого указывает, возможно, на то, что в субстратном языке второй слог названия содержал дифтонг [öi] или [oi]. В древненовгородском диалекте *ѣ*, видимо, произносилось как [ie], и вполне возможно, что именно так передавался дифтонг субстратного языка. Однако вероятно и то, что формы названия с дифтонгом, которые зафиксированы в Ингерманландии, представляют характерное лишь для данного региона прибалтийско-финское развитие и рус. *ѣ* здесь замещает передний гласный субстратного языка⁹⁷.

Мотивацией наименования человека прилагательным, обозначающим 'кривой', могла быть его внешность или же фамилия могла возникнуть от топонима. Стоит все-таки указать еще и на другую возможность. У карелов *kekri*, *köyri*, *köyry* (в старом письменном языке *käkri*) – название божества, которому был посвящен осенний праздник *kekri* или *kekripäivä* («кекри-день»), который в эпоху христианства преобразовался в Покров-день. С формальной точки зрения слово *kekri* может быть производным от того же прилагательного *kekärä* или *käkärä*. Если эти два слова одного происхождения, название божества или мифической силы может служить дополнительным подтверждающим аргументом в пользу того, что личное имя *Käkärä* существовало, семантические связи двух слов, одно из которых обозначает 'кривой', а второе – 'божество', естественно, до конца не понятны.

Уйма. Деревня *Уйма* находится в устьях Двины под Архангельском. Ее название сравнивалось М. А. Кастреном уже в 1844 г. с финским глаголом *uida* (*uima*-) 'плавать, купаться'⁹⁸. Этимологическое предположение Кастрена не подтверждается типологией топонимов такого рода, однако присутствие данной глагольной основы в топонимии РС можно объяснить с помощью антропонима.

⁹⁷ Развитие прибалтийско-финских расширенных существительных, оканчивающихся на *-(o)ji* / *-(ö)ji*, до конца не ясно. Данный элемент представлен исключительно в некоторых прибалтийско-финских диалектах (ср., напримр, фин. *repo* 'лиса' и карел. *reboi* 'то же', фин. *hepo* 'лошадь' и карел. *heboi* 'то же'). Это может быть, в частности, реликтовая форма, представляющая этап возникновения губного гласного второго слога (ср. пары типа фин. *repo* и саам. (наречие Лулеа) *riepij*, которые явно указывают на то, что исходная форма данного слова была типа **repä-j(V)*). Однако, с другой стороны, вероятно, что речь здесь может идти о вторичном аналогичном развитии.

⁹⁸ *Castrén M. A. Anmärkningar om Sawolotschesskaja Tschud. Suomi II. Helsingfors. 1844.*

В финских диалектах некогда было имя *Uimi*, *Uimo*, которое сохранилось в фамилиях *Uimi*, *Uimo* и *Uimonen*. Подобно выше рассмотренным именам, большинство из родов с данными фамилиями происходят из южной Карелии и Карельского перешейка⁹⁹. Элемент типа *Уйм-* встречается также в названиях некоторых деревень на Карельском перешейке, в южной финляндской Карелии и в южном Саво, т. е. на территориях, где карельско-новгородское влияние было ощутимо в средние века¹⁰⁰.

Возможно, что данная фамилия этимологически связана с глаголом *uida* 'плавать, купаться'. Из д. Леми финской провинции Кюменлааксо в юго-восточной части страны документирован случай, где имя *Uimi* возникло от топонима *Uiminiemi* 'купальный мыс' (> *Uimi* поселение на данном месте > *Uimi* имя)¹⁰¹. Однако возможно, что имя, по крайней мере в некоторых случаях, имеет некое другое происхождение. В частности, исследования С. Кепсу по топонимам Кюменлааксо подтверждают то, что данная лексема использовалась как личное имя, хотя оно отсутствует в списках языческих прибалтийско-финских антропонимов Д.-Е. Стёбке.

Кавкола. Сравнивается Н. В. Кабининой с приб.-фин. корнем *kauka* 'отдаленный'¹⁰². В принципе это сопоставление является правильным. Однако название *Кавкола* относится к группе названий поселений с формантом *-а*, и поэтому и здесь, скорее всего, название возникло на основе антропонима.

Самая подходящая приб.-фин. параллель – финско-карельское *Kauko*, которое и сегодня является типичным для Финляндии. Имена с данной лексемой многократно упоминаются также в исторических памятниках. По материалам Д.-Е. Стёбке, **Kauk(k)V* является типичным одночастным языческим личным именем прибалтийских финнов (например: *Kauka*, *Kauko*, *Kauken*, *Kauke* и т. д.), а также выступает основой многих двучастных имен (например: *Kaukamieli*, *Kaukalempi*, *Kaukapäivä*, *Kaukavalta*, *Kankatoive*)¹⁰³.

Подобный элемент фиксируется и в современных фамилиях (*Kaukonen*, *Kauko*, *Kaukola*). Некоторые из одночастных имен и фамилий с данным корнем, видимо, произошли от сложных составных имен, некоторые указывают на отдаленное местонахождение жилья определенного

⁹⁹ Mikkola P., Paikkala S. Sukunimikirja.

¹⁰⁰ Kepsu S. Pohjois-Kymenlaakson kylänimet // Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimintuksia 367. Helsinki, 1981.

¹⁰¹ Там же. С. 184–186.

¹⁰² Кабинина Н. В. Топонимия дельты Северной Двины: Дис. канд. ... филол. наук. Екатеринбург, 1997.

¹⁰³ Значения формантов имен с данной основой: *mieli* 'душа, характер', *päivä* 'день', *toive* 'надежда'. Названия с элементами *lempi* и *valta* рассматриваются в других местах этой статьи.

человека¹⁰⁴. *Kaukola* – типичный финский отантропонимный топоним, который очень широко фиксируется как название хуторов и деревень во всей стране.

Топонимы с основой Ихал(ь)-. Названий с такой основой на Русском Севере насчитывается по крайней мере пять: реки *Ихала* в Верхнетомском и Вельском районах, р. *Ихалица* в басс. Сухоны, мыс *Ихаль-немь* и оз. *Ихальное* в басс. Пинеги. Они рассматривались А. К. Матвеевым¹⁰⁵. Он предполагает, что данные названия содержат прибалтийско-финскую лексему, обозначающую ‘необычный, прекрасный, живописный’ и т. д. – фин. *ihana* / *ihala* с др. приб.-фин. параллелями. Непроизводная основа – *iha* – ‘веселый, радостный’.

По нашему мнению, сопоставление Матвеева правильно на лексическом уровне. Однако для топонимов с основой *ихаль-* более вероятна связь с личными именами, содержащими упоминаемый Матвеевым апеллятив, чем непосредственно с нарицательным словом. Д.-Е. Стёбке приводит достаточно много примеров приб.-фин. личных имен, которые относятся к данному словарному гнезду. Это *Iha*, *Ihala*, *Ihalempi*, *Ihamieli*, *Iha(li)päivä* и т. д. Авторы Sukunimikirja (Словарь финских фамилий) упоминают также имена *Ihana*, *Ihama*, *Ihari*, *Ihanta*, *Ihanto* и др. А. И. Попов называет имя *Ihamas* – иногда с атрибутом «чудский» – из новгородских берестяных грамот. Современная финская фамилия *Ihalainen* явно произошла от имени *Ihala*, имеющего параллели в топонимии Русского Севера. Гнездо распространения этой фамилии находится на Карельском перешейке и на севере провинции Саво, которое относится к историческим карельским землям¹⁰⁶. Другая современная фамилия от того же корня – *Ihamus*.

Вероятно, множество финских топонимов с данным корнем произошли от антропонимов. На это указывает использование в данных названиях основы родительного падежа вместо именительного (например: *Ihananlampi*, озеро в Таивалкоски, в провинции Каинуу (северная Финляндия), *Ihananpelto*, поле в Икаалинен, в провинции Сатакунта, в юго-западной части страны), а также типичные отантропонимные названия хуторов с формантом *-ла*: *Ihanala*, хутор в Каигасале (Хяме),

¹⁰⁴ Mikkola P., Paikkala S. Sukunimikirja, s.v. *Kaukonen*.

¹⁰⁵ См.: Матвеев А. К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР: Дис... д-ра филол. наук. М., 1970. С. 353; Он же. Топонимические этимологии. III (Некоторые прибалтийско-финские элементы в субстратной топонимике Русского Севера) // Советское финно-угроведение. 1972. № 3. С. 165.

¹⁰⁶ См.: Mikkola P., Paikkala S. Sukunimikirja. S. 148; Pöyhönen J. Suomalainen sukunimikartasto (= Atlas of Finnish Surnames) // Suomalaisen kirjallisuuden toimituksia. Helsinki, 1998. №. 693. S. 62.

Ihala, хутор в Липери (северная Карелия). Однако существуют примеры топонимов, которые могли произойти и от прилагательного *ihana*, *ihala*, например: *Ihanasuo*, бол. в Лоппи (южное Хяме), *Ihananurmi*, луг в Палтамо (Каинуу). Таким образом, севернорусские топонимы могут быть апеллятивного происхождения, хотя в большинстве случаев более вероятно их антропонимный характер.

Топонимы с основой Карг-. Многочисленные севернорусские топонимы с основой *Карг-* неоднократно рассматривались разными исследователями. Скорее всего, является правильным предположение, что во многих случаях данные названия связаны с приб.-фин. апеллятивом *karhu* 'медведь'¹⁰⁷.

Тем не менее большое количество названий с данным корнем указывает на возможность того, что некоторые из них могли произойти из антропонимов. Во-первых, приб.-фин. апеллятив *karhu* является основой многочисленных фамилий (ср. например *Karhu*, *Karhunen*, которые являются типичными для всей Финляндии)¹⁰⁸. Во-вторых, помимо фамилий данного рода, в современной Финляндии достаточно много названий с основой *karhi-*. Существует апеллятив *karhi* 'куча чего-то, чаще всего сена'. Вероятно, названия возникли на основе антропонима *Karhi*, *Karhia*, который также встречается в исторических источниках XVI в. на Карельском перешейке. Этот антропоним, видимо, возник от ранее упомянутого апеллятива или от прилагательного *karhea* 'шершавый, грубый, жесткий (о волосе)'. Мотивацией номинации здесь может быть жесткий волос человека, на что указывает также фамилия *Karhipää* «кархи-голова». Апеллятив *karhu* 'медведь', который не имеет аналогии в других финно-угорских языковых группах, изначально, видимо, является производным от того же прилагательного.

Топонимы с основой Валт- / Валд-. Пинежские ойконимы *Валдокурья* и *Вальтево*, по нашим данным, не рассматривались в этимологической литературе. По нашему мнению, их стоит, скорее всего, сопоставлять с многочисленными прибалтийско-финскими языческими именами.

Как многократно упомянуто выше, в своем исследовании Д.-Е. Стёбке приводит достаточно много примеров двухчастных прибалтийско-финских языческих имен, содержащих элемент *-valta*¹⁰⁹. Как апеллятив современного финского языка, данное слово обозначает чаще

¹⁰⁷ Исторический обзор предполагаемых версий см.: Матвеев. А. К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Видимо, впервые упомянутая этимологическая версия встречается у Кастрена.

¹⁰⁸ Pöyhönen J. Suomalainen sukunimikartasto. S. 89.

¹⁰⁹ Stoebe D.-E. Die alten ostseefinnischen Personennamen im Rahmen eines Urfinnischen Namensystems. S. 104–106.

всего 'власть', и в диалектах также 'свобода', 'большой', 'холостой' и т. д. В именах подобный элемент является чаще всего формантом сложного имени (*Ikävalta*, *Ilmovalta*, *Kaukavalta*, *Kirjavalta*, *Lempivalta*, *Viljavalta*). В некоторых случаях он является основой (*Valtalempi*). Короткие формы *Valta*, *Valto(i)*, *Valde* и др. многократно зафиксированы в письменных источниках и до сих пор *Valto* является популярным именем у финнов. Аппеллятив *valta* встречается в финских топонимах преимущественно как первый компонент сложных географических терминов (*valtatie* 'главная дорога', *valtauoma* 'главное русло'), но как самостоятельная основа практически не используется. Отантропонимные топонимы (типа *Valtola* как название хутора), в свою очередь, являются повсеместными во всей стране. Это указывает на то, что севернорусские топонимы с основой *Band-* / *Валт-*, вероятнее всего, произошли от антропонимов.

Азикино. Хотелось бы привести еще один пример из сферы микротопонимии. В деревне Пильгоры Пинежского района небольшое озеро называется *Азикино*, и рядом с ним находится одноименное поле. Оба объекта очень невелики и, скорее всего, никогда не имели большого значения. Тем не менее есть основание предполагать, что их названия содержат финно-угорское личное имя.

В современной Финляндии достаточно типична фамилия *Asikainen*, которая, в свою очередь, содержит старое германское личное имя *Azika*, многократно зафиксированное в средневековых письменных источниках¹¹⁰. Самая большая часть носителей данной фамилии родом из финской северной Карелии. Топонимы, содержащие подобную основу, достаточно частотны в Финляндии (например: *Asikkala*, коммуна в южном Хяме, хутор в Юва, хутор в Яски, *Asikka*, хутор в Лоимаа, *Asikainen*, хутор в Соанлахти, лес в Сиеви и т. д.)¹¹¹.

Имя *Azika* представляет особый интерес с точки зрения истории Заволочья. По данным исторической литературы, известен документ 1315 г., где называются имена представителей важского старосты, пришедших в Новгород договориться о судебном деле. Среди них упоминается также *Азика*¹¹². Таким образом, есть письменное свидетельство наличия подобного имени в Заволочье. Стоит добавить, что имя *Азика* фигурирует в самом старом документе, в котором упоминаются финские личные имена — в булле Папы Римского 1315 г.

¹¹⁰ Mikkola P., Paikkala S. Sukunimikirja, s.v. *Asikainen*.

¹¹¹ Pöyhönen J. Sukunimikartasto. Ср. выше: Suomalainen sukunimikartasto. S. 26.

¹¹² Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas IV. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen Slawischen Länder. Berlin: Preussische Akademie der Wissenschaften (Sonderausgabe, Phil.-Hist. Klasse), 1936. S. 10–12.

Вопрос о христианских личных именах в субстратных топонимах. Совершенно ясно, что финно-угорские племена Заволочья до своей ассимиляции долгое время жили вместе с русскими. Поэтому можно предполагать, что некоторые севернорусские топонимы могли возникнуть на основе русского или христианского личного имени, но в субстратном языке.

Например, основу названия покоса и мыса *Иванемь* по р. Сура, притоку Пинеги, можно, скорее всего, сравнивать с карельско-финским личным именем *Iiva(na)*, которое, в свою очередь, восходит к рус. *Иван*. Данное имя распространено у православных восточной Финляндии и Карелии. Параллельное название деревни *Iivanniemi* есть в Финляндии, в коммуне Кирву, в провинции Похьянмаа, в зоне бывшего карельского влияния. Другие топонимы с данной основой тоже довольно частотны, например: *Iivanselkä*, часть озера Суистамо (южная Карелия), *Iivansilta*, мост в Яккме (северная Карелия) и т. д. Есть также фамилии *Iivonen*, *Iivanainen*, *Iivari*, *Iivarinen* и др. из того же корня.

Другим примером топонима, который, возможно, возник на основе христианского личного имени, может служить *Лукомень* (по той же р. Сура), ср. финские фамилии *Luukkanen*, *Luukkonen* и топонимы типа *Luukkanniemi* (Сулкава, Руоколаhti, Посио и т. д.), которые происходят из общеевропейских имен типа *Luukka*, *Luukas* и др. (ср. русскую фамилию *Лукин* и т. д.).

Рассмотренные примеры языческих прибалтийско-финских личных имен как источника субстратных топонимах Русского Севера в какой-то мере изолированы и случайны. Однако можно надеяться, что они послужат свидетельством того, насколько прибалтийско-финские личные имена полезны в процессе этимологизации севернорусских топонимов. Это вполне естественно, потому что нет топонимической системы, которая не содержала бы имена владельцев или первопоселенцев.

По нашему мнению, связь некоторых вышеупомянутых топонимов с прибалтийско-финскими личными именами достаточно очевидна. Это касается, в первую очередь, топонимов *Вихтово*, *Лембонема*, *Уйма*, *Кавкола* и *Азикино*. Этимология названия деревни *Кеврола* в некоторой мере спекулятивна, поскольку основывается на реконструкции имени, не зафиксированного в письменных источниках. Тем не менее параллельные ойконимы из сферы проживания современных прибалтийско-финских этносов некоторым образом ее поддерживают. Этимологии топонимов с основой *Ихал(ь)-*, *Карг-*, *Валд* / *Валт-* являются в какой-то мере альтернативными, т. е. в этих случаях не всегда можно решить вопрос об антропонимном характере определенного топонима.

Более полный анализ данной тематики потребует более полных данных о севернорусской топонимии и систематического использования всех сведений о прибалтийско-финских языческих личных именах. Совершенно очевидно, что и не упомянутые выше севернорусские топонимы имеют параллели среди прибалтийско-финских антропонимов.

Приведенные примеры позволяют предполагать, что из всех прибалтийско-финских народов именно антропонимия карел найдет достаточно много параллелей в топонимии Русского Севера. Будущее исследование должно показать, есть ли у данного предположения основание или же мы имеем дело со случайным сходством.

А. Л. Шилов
Москва

Опыт историко-этимологического словаря топонимов Карелии (буква Б)

Бабье море (до 1571 [Акты I, 199]) – обособленный островом Великий участок акватории Белого моря на севере Карелии. Характеризуется очень опасными приливно-отливными течениями, образующими сложные пороги на входах в данную акваторию, и значительным количеством рифов и отмелей. Возможно, название пейоративное, означающее не совсем настоящее, но опасное «море».

Бабья Губа (1785)¹¹³ – д. на оз. Каменное на р. Каменная-Хяме басс. Чирка-Кеми. Является калькой карел. *Akonlahti* [СНМК]. Ср. д. *Бабья Губа* на Ледмозере басс. Чирка-Кеми, *Бабгуба* в устье Кеми, о. *Бабий* на Выгозере (в 1563: *Бабье-остров* [ПКОП, 157]). В этих случаях часто невозможно определить, являются ли названия исконно русскими или переводными, бытовыми или сакральными (ср. карел. *akka* ‘баба’, но и саам. *akk* ‘бабка; жена верховного божества’). Аналогичные названия: оз. *Бабье* на р. Сегежа, порог *Бабий* на Онде могут иметь и иное происхождение, ср. диал. *баба* ‘старица реки’. От личного имени *Баба* происходит название д. *Бабино* Остречинского погоста (1563 [ПКОП, 112]).

Бабья Луда – о. у Большого Соловецкого острова. Название возникло в связи с былым наличием на острове приюта для приезжающих в Соловецкий монастырь богомолков.

Бадвино – оз. басс. р. Сума. Вероятно, из саам. *padva* или карел. *patvi*, *padvi*, люд. *pad'v* ‘нарост, свиль, кап, наплыв на дереве’. Древес-

¹¹³ Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонекского наместничества Державиным // Эпштейн Е. М. Державин в Карелии. Петрозаводск, 1987.